

Евгений Замятин. Знамение

Рассказ

Источник: Е. И. Замятин; Избранные произведения в двух томах; Том 1.
Изд-во: "Художественная литература", Москва, 1990.

OCR: Александр Белоусенко; правка: Давид Титиевский, май 2005.

[Библиотека Александра Белоусенко](#)

1

Озеро - глубокое, голубое. И у самой воды, на мху изумрудном - белый-кипенный город, зубцы, и башни и золотые кресты, а в воде опрокинулся другой, сказочный городок, бело-золотой на изумрудном подносе Ларивонова пустынь. Поет колокол в сказочном городке, колокол медлительный, негулкий, глубокий, гудит в зеленой глуби. И так хорошо, тихо жить отделенным от мира зеленой глуби: хлебярям в белом подвале послушно месить хлебы, трудникам терпеливо доить коров вечерами; вратарю, старцу Арсюше, собирать даяния у чугунных ворот; постом истомиться на повечериях, заутренях, полунощницах, сложить духовнику немудреные грехи и всем вместе встретить радостно Красную Пасху.

Так и жили, пока в пустынь не явился брат Селиверст. Вешним вечером на Русальной прибежал он к воротам, запыхавшись. Лик - опаленный; пальцы непокойно перебирают одежду, бегают, теребят.

У чугунных ворот низко поклонился Селиверсту прозорливый старец Арсюша, вратарь:

- С чем, брат, приходишь? С миром ли? Подпираясь клюкою, долго ждал ответа старец Арсюша Мохнатый, согбенный - был он, как малый зверь какой-то: встал ласковый зверь на задние лапы, а совсем не выпрямится, сейчас опустится на передние и от мятежных людей в лес убежит.

Не дождался старец ответа, впустил Селиверста и только вослед покачал мохнатой головой.

- Попомни, брат, на Страстной-то поется: несытая душа.

Звякнули чугунные ворота, разверзлась перед Селиверстом зеленая глубь: как упал камень - от края до края побежали круги.

Шла всенощная, бедная, будняя. Редкие свечи - цветы папоротника в купальскую ночь, в темном куполе - гулкое аллилуйя, мимо светлеющих окон - ласточки с писком, из выси в высь. И там - чуть повыше ласточек - Бог.

Появился высокий, незнаемый монах и стал сзади - перед Владычицей, Ширьшей Небес. Икона древняя, явленная - одни глаза, громадные, да синий покров над землею, как твердь: Ширьшая Небес.

Чудно молился монах: стиснуты губы, стиснуты брови и руки, впился в пресветлый лик, в упор, глазами в глаза. Смушались, колыхались клобуки, оглядывались на нового.

Старец Арсюша не стерпел: надо вступить за Пречистую, всем сердцем любил Ширьшую Небес. Пал старец на четвереньки - поклон земной. Встал согбенный, закладывал по каменным плитам прямо к Селиверсту - и тихо:

- Ты как же молишься-то, брат, а? Глазами-то пречистую пробуровать хочешь, а?

Не обернулся и глаз не отвел Селиверст от Ширьшей Небес, может, и не слышал даже старца. Постоял-постоял старец Арсюша, похилился еще ниже и, подпираясь посохом, заковылял вон из церкви.

Пошли после всенощной шепоты, зашныряли послушники из кельи в келью, зашущукались с игуменным келейником Варнавой: кто это новый-то? Откуда?

Славился Варнава на всю пустынь кудрями: еженочно мочил волосы крепчайшим чаем для кудреватости - и уж ему ли не знать? Но и Варнава немного знал:

- Звать Селиверстом. Из образованных будто. И откуда - неведомо. А выпросил у отца игумена старую Симеонову келью.

Симеонова келья - в угловой башне, в подвале Жил некогда в келье юрод Симеон, нарицаемый Похабный. Возле каменного ложа вделаны в стену цепи: приковавшись цепями в ложу, заживо отдал себя Симеон на съедение крысам.

Был в келье сумрак, дух трудный. Низко, над самым озером, окошечко, от мира закрешенное решеткой. В миру плыло солнце, а в келье - тень от решетки: ползла по полу, с пола на дверь, потухала на темных сводах. Из